

Анна Дронова

Избранное

Анна Дронова

Избранное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338596

ISBN 9785448540998

Аннотация

В данный сборник вошли избранные стихи Анны Дроновой – тридцатитрёхлетнего кемеровского поэта, члена Союза писателей России. Анна с рождения больна (спинальная амиотрофия), но с детства пишет, с 14 лет начала издаваться. В «Избранное» вошли как новые, ещё ни разу нигде не напечатанные стихи, так и выбранные самим автором из каждой выпущенной книги – от старшей к младшей. Сборник начинается сложными, длинными, выстраданными стихами – и завершается по-детски лёгким, но вдумчивым взглядом на жизнь.

Содержание

1. Новые стихи	6
Баю-бай	6
«Волчья душа в человеческом теле...»	9
Евдокия1	12
Присягнувшая	15
Игра в достоинство	19
Русалка моя	24
Невеста предателя	27
«Когда смертельнейшему врагу...»	32
«С моей душой...»	33
О нас	34
«Наши пращурь, будто кони...»	36
«Души натянутая нить...»	38
Разговор с Мандельштамом	39
Берегиня	41
Смерть	43
«За твою красоту...»	45
«Расставаний наших странность...»	46
Время	47
«Прости, прощай! – и оборвётся нить...»	48
2. Стихи из сборника «Печать памяти» (2014 г.)	49
Душа	49
«Отравила щёлочью...»	50

Колыбель	53
Болотная топь	55
Звукопись	61
Цветок	63
«Я бы гостей твоих – спровадила...»	65
«Не станут молитвы – морская пена ...»	67
«Любишь?..»	68
«Мгновенье – и голову с плеч...»	69
Вампир	71
«Из глубоких фолиантов...»	72
Роль	74
«Как змея сбрасывает кожу...»	75
«Спешила я неведомо куда...»	77
Чертёж	79
«Тяжела земная доля...»	80
Вечное возвращение	83
Птицы	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Избранное

Анна Дронова

© Анна Дронова, 2017

ISBN 978-5-4485-4099-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Новые стихи

Баю-бай

Баю-баюшки-баю.
Спи на самом на краю.

Баю-баю-баюшки.
Спи на самом краешке.
А заплачешь – пощади,
гарью края не чади.

Как яйцо пасхальное,
как кольцо венчальное —
баю-баюшки-баю —
жизнь застыла на краю.

Жизнь катилась к краешку —
баю-баю-баюшки —
ай, краюхою луны,
ай, мозолями волны.

Баю-баюшки-баю.
Спи, покамест я не сплю.

Жизнь катилась посуху —
укатилась за море.
Набери-ка воздуху.
Надыши-ка памяти.

Жизнь катилась по морю —
расстелилась по миру.

А возьму-ка на руки,
понесу, как горяшко,
милое дитя моё,
маковое зёрнышко.

Ласково несомое,
живое, невесомое,
ах, зерно, зерно моё —
да с другими зёрнами —
сеять в землю чёрную.

Не могу, а надобно
(баю-баю-жалобно)
времени отдать его
(баю-баю-прядево).

Не хочу, а ведомо
(баю-баю-преданно):
отпущу когда-нибудь
баю-баю-на небо.

Не то вороны склюют.

Не то вихри отпоют.

Баю-баюшки-баю.

Спи, пока я на краю.

Баю-баю, баю-бай.

Долог путь, да близок край.

Чтобы падать было мягче,

крепче засыпай.

«Волчья душа в человеческом теле...»

Волчья душа в человеческом теле,
волчьи забавы промеж скорбей.
Я за тобою спешу, но мне ли
выйти, плуту, из твоих сетей?

Плут расставляет повсюду путы,
чтобы запутаться – так и знай!
Вечность бежит от одной минуты,
будто от волка – заяц-толай.

Там, где звериные рыщут тропы,
я пролагаю свой скорбный путь.
Волки – не рыцари, не холопы,
но каждый из нас – это волк чуть-чуть.

Там, где идут к водопою лоси,
я выступаю на смертный бой.
Волки пощады себе не просят,
хоть и хотят, как и все, домой.

Наши клыки – не острей секиры,
наши леса – не высокий храм.
Волки-собратья воюют с миром —
с малых годочков до смертных ран.

Кровью питают в бою жестоком
поле, поросшее злой травой.
То, что охотничьим кличут рогом, —
рог исключительно боевой.

Знают волчата от старой волчицы:
прут — это в будущем чей-то кнут.
Нашему брату в дары сгодится
только свобода от древних пут.

Каждому пахарю — сноп пшеницы,
каждому ратнику — щит и меч.
Нашему брату в дары сгодится
ночью луну, как жену, привлечь.

Нам недоступны слова молитвы —
голос природы велик и прост.
В час ожиданий и в час ловитвы
ловим надежду за лисий хвост.

Волку — не весело, не свирепо,
волку — большее всего явить
душу свою... Потому что в небо
нам не смотреться, а только выть.

Нашему брату любая рана —
точно пометка в живой душе.
Нас укрывают ночные туманы,
наши шерстинки — настороже.

Мы – отщепенцы, и наша стая —
стая бродячих, но всё ж не псов.
Нашему брату молва любая —
точно зарубка в строю стволов.

Волчье лицо в человеческой маске,
в голосе смертника – хищный рёв.
Волки вверяют себя по-братски
миру – до самых его краёв.

Каждую ночь и на каждой сече,
лёгким путём выходя на бой,
будто бы оборотнем отмечен,
волк состязается сам с собой.

Евдокия¹

Ах, Россия моя, Россия —
что ты смотришь, как Евдокия?
На телеге, и с двух сторон —
по солдату: – Смотри, смотри же!
Как всё то, что ты любишь, брызжет
кровью. – Смерть, подойди, порадуй! —
Не дадут отвести и взгляду.
Слышишь чей-то – не свой же – стон.

Сон. Кошмарный и долгий сон.
Евдокия, да ты сама ведь —
не опустишь глаза! Не вправе —
ибо то, что любила, в корчах
погибает на том плацу...
Так смотри же – смотри, не морщась —
ведь красавице всё к лицу.

Даже боль, даже ужас зверский...
Взять бы нож – да родному в сердце:
то, что любишь, на волю смерти

¹ За любовную связь с насильно постриженной в монахини Евдокией, бывшей супругой императора Петра I, майор Степан Глебов был приговорён к медленной и мучительной казни – колопосажению. Евдокия обязана была присутствовать при казни, и приставленные к ней солдаты не позволяли ей отвернуться. Смерть осуждённого наступила только спустя 14 часов (*примеч. автора*).

отпустить – да разве дадут?
Руки скрутят, и жилы выжмут,
и за спину: – Смотри, смотри же!
Неоструганной цепкой жердью —
совершается царский суд.

Что, Россия моя, Россия —
так и будешь, как Евдокия,
слать вопросы – да Богу в уши —
да на небо смотреть, как в печь —
смотрит хлеб? И на всё-то воля
человеческая – доколе?
Раздирая руками душу —
ничего тебе не пресечь.

На телеге тебя увозят,
а на площади всех морозит:
от зимы ли, а то от хрипов
нескончаемых, – а сама
обернулась и смотришь – ибо
тень твоя за тобою ляжет.
Умоляешь себя сама же:
– Евдокия, сойди с ума!

Да, Россия моя, Россия,
ты – последняя Евдокия.
Не бывает минувших пыток:
всё, что пытано, так и бдит
ранним утром и поздней ночью...

Богохульствуй, молись – как хочешь.
Голос скорби остёр и прыток,
колом в горле – судьба стоит.

Нет, Россия моя, Россия,
не получится Евдокиям
позабыть, каковая участь
о сю пору любимых ждёт.
Вечно помня и вечно мучась,
ты за милым идёшь по следу.
Ты на площадь придёшь к рассвету
и увидишь, как он умрёт.

Но останется. Ибо нечем
крыть. И вечен, родная, вечен
тот безмолвный бессвязный ропот,
за которым текут века —
через сто поколений, чтобы
всё вернуть на былые вехи.
Евдокия! Тот нож навеки
прикипает к твоим рукам.

Присягнувшая

Присяга, присяга.
Человеку – не стягу,
Человеку – не мечу...
Да и важно ли – герою, палачу?

Присяга, присяга
Славянам – варягам —
Калмыкам – татарам.
Всю жизнь свою – даром

Дарёную – в руки
Собрату, кому-то.
(Всю жизнь свою – будто
На колья, на прутья!)

Присяга, присяга.
Так разве что дому
Присягает дворняга.
Без клятв, по-простому.

Расписка?.. Бумага?..
– Скупая присяга!
Вернейшая – волчья —
Последняя (молча).

Последняя (поздно!).
Присяга не звёздам —
Человеку земному.
Ножом по живому.

Человеку – не знамёнам,
По-на древках разветвлённым,
Разделённым – лево, право...
Человеку, а не славам!

Человеку, а не знакам
Нарисованным, атакам
Наколдованным... (Послужим
Человеку, а не ружьям!)

Не плоти, не крови —
Душе и любви.
Зарок – на крови,
Затор – в крови.

Присяга – как фляга,
Как неба глотнула...
Присяга – не тяга:
Уже затянуло...

Присяга, порука —
Любимому (то есть —
Тебе лишь). На муку,
На счастье, на совесть...

Присяга, присяга.
Так разве что Богу
Присягает бродяга.
(Люби, да не трогай!)

Присяга, присяга.
(Оврагу – коряга,
Святому – расстрига...)
Присяга – не иго.

Не смотри, что следы
Уведут, обманут.
Полбеда, полбеда —
В тех обманах жданных.

Не смотри, что к зиме
Опадут и листья.
Есть присяга во мне —
Наичестнейшая – лисья.

Так охотнику зверь
Присягает, прячась.
И потом, и теперь
Огоньком маячит

За тобой, храня
От любой невзгоды,
Подмога – подвода —

Присяга моя.

Игра в достоинство

— 1 —

Игра в достоинство,
Игра с собой.
Игра! Без воинства
Идущий бой.

Достойно ль соколом,
С судьбой шутя,
Вокруг да около
Кружить, дитя?

Достойна ль исповедь,
О лицедей,
Игрок неистовый
Среди людей?

Ведь жизнь уносится,
И на огонь,
Быть может, просится
Твоя ладонь.

Как горе-пьяница,
Исподтишка,
Быть может, тянется

Твоя рука.

— 2 —

Достойно ль вороном
Лететь на все
Четыре стороны,
Вослед росе?

Мечами, распрями
Закрыв лицо,
Достойно ль ястребом —
В моё сельцо?..

Достойно ль по небу
Плутать-нестись,
Кромешным голубем
Ныряя вниз?

Игра на выдохе:
Земная персть.
Достойна ль выделки
Земная шерсть?

Ведь жизнь уступлена —
В свой первый миг!
Играй по-крупному,
Малыш-старик.

Ведь жизнь загублена —

В свой летний день.
Стрела-зазубрина,
Стрелок, мишень.

— 3 —

Соколье воинство —
Ничьим силком
Не взять! Достоинство
Коня – верхом,

Бегом... Достоинство
Души – плашмя...
Игра без совести:
Твоя, моя.

Ищи пристанище,
О лиходея,
Покуда – пан ещё
Среди людей.

Ребёнок выросши —
Ползком – в цари...
На каждом игрище —
Свои бои.

— 4 —

Игра в достоинство,

Игра врасплох.
Святого воинства
Лишённый Бог.

Игра в достоинство —
На страх и риск!
Не вражьи происки,
А дружный сыск.

Тоска по доблести —
Лихой порой.
Игра! Над пропастью
Бредущий строй.

Земная отповедь,
Небесный гром.
Игра! Из подпола
Растущий дом.

— 5 —

Не успокоиться —
Тебе, дитё!
Игра в достоинство:
Твоё, моё.

Игра по-своему:
Широк размах!
Писца и воина

Настигший крах.

Бои без врага —
На грани сил.
Съестного пороха
Лишённый тыл.

Поделим поровну
Запасы мук.
Взыграют вороны,
Кружась вокруг.

Земного пояса
Вскипит кора.
Игра в достоинство —
С огнём игра.

Русалка моя

В тихом омуте, где тоненькая ряска
прячет сто чертей, а не речную грязь,
в тихом омуте русалка завелась.

Расскажу тебе не выдумку, не сказку:
расскажу тебе, как в омуте моём
ты нашла свой дом, свой тихий водоём.

Ах, русалка с опьянёнными глазами —
глубоко ныряешь — не видать хвоста!
Ты в мой омут завернула неспроста.

Взбудоражила, как ряску, злую память,
потрясла второе дно моей тоски...
В целом мире — две русалочьих руки.

В целом море — лишь одна душа морская!
Ах, русалочка, зачем явилась мне?
Уплываешь безоглядно по волне.

Укоряешь — будто я не отпускаю!
Я и рада бы, да разве ж я могу?
Навья девочка на дальнем берегу.

В тихом омуте — разбуженным потоком,

говорит твоё отсутствие во мне.
Навья жёрдочка на дальней стороне.

Взбаламутила мне душу ненароком.
Ах, морока земноводная моя,
кожа тонкая – сквозная чешуя.

Ах, родная – чужеродная – моя.

В тихом омуте – пристыженные черти...
Нет соломинки – тем пуще я тону.
Ах, русалочка, дай руку – хоть одну!

Хвост твой по сердцу – не по водиче чертит
круг за кругом; друг за другом – да на дно...
Ах, русалочка, с тобою – всё одно.

То ли небо – то ли море, то ли речка —
то ли сердце человеческое: глядь —
ты из сердца улетучилась опять.

И не женщина, и не ребёнок: нечто,
двуединство – чья врождённая черта!
В тихом омуте, я вижу, ни черта

не осталось от русалочьего плеска.
Что же делать? Утопиться бы, да не с кем.
Ты хвостом махнула – как рукой с холста

нарисованную красоту смахнула...

Как по берегу ударила веслом...

Ах, русалочка, с какого ты аула

и каким тебя теченьем унесло?

И откуда ты разлуки зачерпнула?

В тихом омуте, где тоненькая вязь

прячет сто чертей, а не речную грязь,

лихо в омуте: русалка извелась.

Невеста предателя

Кто – сей?
Фарисей.
С ним не ешь,
с ним не пей.
Руку жми
ему с оглядкой.
Речью – сладкий,
сердцем – падкий.

(Речью – гладкий,
сердцем – гадкий.)

Не гляди.
Не люби.
А полюбишь —
убеги.
С потрохами
всю проглотит.
Он без сердца,
но из плоти.

Он нечист,
но красив:
мятый лист,
шрифт – курсив...

Не смотри!
Да отвернись же!
Говорит —
слюною брызжет.

А хохочет —
слёзы льёт.
Душу – в клочья
изорвёт,
тело белое истреплет —
да себе же!
да немедля!

А обманет —
так взахлёб.
По сознанию —
скрёб-поскрёб.

«Он красивый!
Он пригожий!»
Он мессия,
да не божий.
В нём – ложь,
в нём – грехи,
сплошь – брожение стихий.

Он не друг,
но разве недруг?
Он подобен

свету, ветру.
Что же делать?
Как же быть?
А капелла —
волком выть.

Как помочь ему,
скажите?
Он мальчонка,
пальцы-нити...
Как с балкона
или с лоджии —
спрыгнёт же!
упадёт же!

Угроздило влюбиться
в воронёнка, но и птицы
продают себя кротам.
Ох, зачем же, ох, да сам...

Он далече —
я целее.
Но на плечи
и на шею
внятный камень
взял да лёг:
не царить тебе, царёк!

Беззащитный...

Вслед Иуде
он погибнет,
он погубит
столько губ
и столько судеб!
Кровный узел
в кровь изрубит.

У него —
жестокий норов.
Телом — лань,
а сердцем — боров.
Он сметёт
детей невинных,
а его
сметут мужчины.

Он обманчив,
он изменчив.
Старый мальчик,
хищный птенчик.
Он — табу.
Он — погибель.
Он в гробу
тебя и видел!

Не любить его
нельзя,
но кривёхонька стезя.

Не спасти его
ничем.
Ай, да сам-то, ай, зачем...

Лищедей,
лиходей.
Хоть молись.
Хоть убей.
«Кто он?» – «Милый!»
Тянет жилы,
пьёт отеческие силы...

Свет-мучитель мой служилый
да заслуженный...

Да лживый.
свет-губитель мой²

² Человек не может ненавидеть того, кого любит, и не может любить того, кто ведёт себя слишком низко, и не может его разлюбить. Это действительно кровный узел, который разрубается только смертью (причём, как правило, самого любящего) (*примеч. автора*).

«Когда смертельнейшему врагу...»

Когда смертельнейшему врагу
целишь не в глаз, а в бровь,
сказав: «Это всё, что я могу», —
вот это и есть любовь.

«С моею душою...»

С моею душою,
как бездна, большою
в маленьком теле —
справиться мне ли?

О нас

О нас, о наследии нашем —
да следом за дедом, за прадедом-предком.
Звенит неиспитая чаша,
со звоном подкова упала — и метка
горит из-под белой рубашки.

О них, о своём и забытом,
о том, что и время едва ли излечит.
Звенит золотое копыто,
ложится крыло на согбенные плечи.
Душа прибывает без свиты.

О ней, о родной и желанной,
невесте безвременной — плакать довольно.
Горит незакрытая рана,
звенят стремена — оступаться не больно,
и жить — наконец-то не странно.

О том, что давно отболело,
но с сердцем беседует жаркою кровью.
Качаешь своей поседелой —
и путаешь вдовью любовь и сыновью.
Раз пытан — так, видно, за дело.

Вздохнут — и своею дорогой

отправятся люди – невинные судьи.
Раз пытан – так, значит, за Бога.
Не жизнь и не смерть – а концовка прелюдий,
верхушка осеннего стога.

Вершина горы или мира,
а мать говорила: ходи и не трогай.
Звенит за спиною секира —
а может, палач опоздает немного,
присев на пороге трактира?

Но время не споишь слезами —
ещё поискать бы такого служаку!
Не скроешь – оно перед нами,
не смоешь сухими трактатами всяко.

А всё же ступай – и по первому знаку
вскрывай нерадивую память.

«Наши пращуры, будто кони...»

Наши пращуры, будто кони,
в мыле, в пене, в пыли, в загоне
ржут и рвутся – держись верхом!
Корм овсом, и пшеном, и ржою...
Только небо – своё ль, чужое —
всё ж милее, чем двор и дом.

Стонут лошади, будто деды...
Ваша воля – меха-монеты,
наша воля – наждак-пятак!
Годы-горы – стеною белой...
Что б ни деялось, будем делать
всё по-своему – да не так!

Разгуляться бы ветром в поле!
Нам бы вольницу – всю бы волю
распоясали – до небес!
Наше прошлое, как кобыла,
тянет лямку свою уныло...
Наши символы – конь и крест.

Жизнь, делённая строго на две:
дань грядущему – славной жатве,
дань былому – степной золе...
Наши прадеды – наши братья!

Наше прошлое – вдовьим платьем —
чуть наброшено на Земле.

«Души натянутая нить...»

Души натянутая нить,
Души разорванная нить:
Швее не сшить.
Змее не свить.

Души оторванный рукав,
Души оборванная ткань:
Вся рвань, растянутая дрань...
Она заштопана слегка,
Вполоборота, в полстежка.
Душа-рукав, душа-рука:

Душа – надорванная...

Разговор с Мандельштамом

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?
За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?
Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.
На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло.*
Осип Мандельштам

Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким ненужным и таким чужим?

За участь горькую дышать и жить
Кому, скажите, мессу отслужить?

Я и добыча, я же и клинок.
Мой образ слаб, мой голос одинок.

На первой из страниц небытия
Однажды ляжет подпись и моя.

Дано мне тело – кто б его забрал!
Не память, а подрезанный штурвал.

Иду за край и дальше через край.
Дано мне тело – даром забирай!

Одна в бою, последняя в строю,
вопросом риторическим встаю.

Дано мне тело – кто бы взял назад?
Дано мне тело – не моё стократ.

Берегиня

Мракобесие. — Смерч. — Содом.

Берегите Гнездо и Дом.

Марина Цветаева

Мракобесие. Смерч. Содом.

Берегине – гнездо и дом.

Смерть. Братание на мечях.

А для матери – всё очаг.

Где стрела попадает в цель,

там и ставится колыбель!

Где от крови черным-черно,

там и выётся веретено.

Где сыны бередают отцов,

там у женщины – стол и кров.

Где за пазухой нож лежит,

там у Лады в ладонях – жизнь.

Там, где горе на всех путях,

мать с улыбкой несёт дитя.

Там, где в битву идут мужи,
жёны им выплещают жизнь.

Где у князя – опять раздор,
у княгини – и дом, и двор.

Где у княжича – смертный бой,
у княгини: «Вернись домой!»

Где у князя: «Иду на Вы!»,
где спешит по пятам травы

боевитый и верный конь,
там княжна бережёт огонь.

Где солдаты, как псы, в бою
обретают судьбу свою,

там в кровавом чаду сестра
греет снадобья у костра,

чтобы вылечить раны их...
Ибо то, что глазам других —

мракобесие, смерть, Содом, —
то хозяйке – любимый дом.

Смерть

Будьте ещё печальней!
Знайте: невесты нет
в ласковой привечальне,
в опочивальне лет.

Если признаться честно
и не таить греха —
смерть – вот и вся невеста
нынче у жениха.

В свадебную обнову
облачена с утра.
Над головою снова,
снова струит фата...

Сразу – отцеловать бы!
Ёжится, гнёт своё:
все женихи до свадьбы
умерли у неё.

Все стихоплёты вместе
ей сплетали стихи,
чтобы к *этой* невесте
сватались женихи.

Но в её привечальне,
в исповедальне сна
только она печальна,
только она одна...

«За твою красоту...»

За твою красоту
я отдам и леса, и луга.
За твою красоту
я раздену леса донага.
За улыбку твою
я отдам и поля, и холмы.
Я сейчас прогоню
всех тюремщиков из тюрьмы.
За твою красоту
— небывалую шалую быль, —
за твою красоту
я отдам медяки и пыль.
Я тебе подарю
всю траву с перевалов моих.
Я тебе подарю
планетарии на двоих.
За твою ли красу
и за твой превеликий обман
я тебе принесу
в двух ладошках лесной туман.
За твою красоту
я отдам и края, и моря.
За твою красоту —
значит даром и значит зря.

«Расставаний наших странность...»

Расставаний наших странность:
ты уйдёшь, а я останусь.

Расстояния-печали:
ты утонешь, я отчалою.

Ты отчалишь, я — ко дну
поспешая, потону.

Дно — вот наш с тобою берег.
В рулевых душа не верит.

Дно — вот наш с тобою флот.
Всё ура-наоборот.

Смерть кому-то, нам — начало.
Вместо стылого причала —

дно — вот наш с тобою край.
Встреча будет, так и знай.

Время

Прошрое наше без края,
но от тебя до меня
тянется, почву взрывая,
время, как прото-земля.

«Прости, прощай! – и оборвётся нить...»

Прости, прощай! – и оборвётся нить.
Прости за то, что не за что простить.
Прости меня за всё – наперечёт! —
Что мною не содеяно ещё.

Прости! – рука протянута к руке.
Прости! – душа уходит налегке.
За нами – тьма, и перед нами – тьма.
Прости – за что, не ведаю сама.

Прощай! – взошла полынная звезда.
Прощай! – мы расстаёмся навсегда,
А потому в лицо не отвечай...
Прощай меня. Всегда меня прощай.

2. Стихи из сборника «Печать памяти» (2014 г.)

Душа

Действительно, невелико богатство.
Не жалко. – Без труда отдам тебе его!
Душа? Да с этой мелочью расстаться —
да Василисе – с сундуком кощеевым —
и то – труднее бы!

«Отравила щёлочью...»

Отравила щёлочью
жизнь моя меня.
Горя Произвопыча
не боялась я.

Опоили ведьминой
горькою травой.
Не сумел согреть меня
даже голос твой.

Не успел вернуть меня
вспять на верный путь,
блажь сиюминутную
не посмел вернуть.

Страх порежу поровну,
а в глазах – темно.
Гибель Произвопычу
жду уже давно.

Окружили вереском
русские поля.
Серостью, неверностью
заросла земля.

Откормили холодом
до отвала нас.
В горле стало солоно,
как в углах у глаз.

Опьянили горечью
сны мои меня.
За руку с Раздорычем —
шла и пела я.

За руку с Кошмарычем —
битая душа.
До чего же парочка
наша хороша!

Сердцу милый ставленник,
даром ты пропал.
Травы – что отравы мне,
что угар-отвар.

Смоляная, вольная,
корневая страсть:
следом за тобою мне
хочется пропасть.

Но мечты раздарены
мною; у меня
зелье недосварено
от недоогня.

Янтаря янтарнее —
ты, моя болезнь.
Зелье недосварено,
недопета песнь.

Яхонта бесценнее —
плакать не придёшь,
во чужом дворце меня
больше не найдёшь.

Сокол-ясный-зяблик мой,
рвёшь земную связь.
Сердцевина яблока
ядом налилась.

Постарела за ночь я,
и с дурной руки
Произвола Жалыча
дни мои горьки.

Не пойду к заутрене —
я пьяна тобой.
Жизнь моя Абсурдовна,
дар да ужас мой.

Колыбель

Колыбель качается —
ангелы печалются.

Знают, знают, милые:
жизнь грозит могилою.

Малышу молочному —
западня бессрочная.

Малышу миндальному —
жизнь сулит печаль ему.

Ссадинами, зорьками —
оттого и горько им.

Видят всё премудрые —
оттого и трудно им.

Стерегут младенчество,
зная: жизнь изменчива.

Будут завтра вечером
старика стеречь они.

Спит, ещё не сброшенный

с рук – тяжёлой ношею.
Спит, ещё не стреляный,
и предел – постель ему.

Спит ребёнок маленький,
сердцу тесно в спаленке.

Будет сердце вырвано —
тесен станет мир ему.

Колыбель качается —
ангелы смущаются.

С неба землю чувствуют —
оттого и грустно им.

Стаду – поле, пастбище.
Людям – прямо с кладбища —

да на волю вольную,
в Колыбель Престольную.

Правнук станет пращуром,
жизнь рисуя начерно,

смерть рисуя набело —
знают, знают ангелы.

Болотная топь

Белым инеем —
полотно мытарств.
Отведи меня
от болотных царств.

На глаза мои
положи ладонь,
хоть упряма я
и ползуч огонь.

Защити меня,
точно божий крест.
Отведи меня
от заклётых мест.

Охлади меня,
точно лунный свет.
Отведи меня
от зыбучих бед.

Паутинная
полоса утрат.
Отверни меня
от болотных врат.

По трясине ли,
не по мне скучал...
Отпусти меня
от болотных чар.

Долюби меня —
до конца и впрок!
Отзови меня
от земных дорог.

Небо синее,
да бесцветна топь.
Воскреси меня
(а себя угробь).

Кабы спас меня
чистотой своей
от опасности,
от болот-зыбей...

Кабы взял меня —
да на свой привал,
кабы жалобе
милосердно внял...

Кабы выбежал,
кабы мхом — на холм
Семикнижия
ты легко взошёл...

Да не вижу я:
пнём душа стоит.
Да не выжгу я
семь своих обид.

Да не слышу я
твой родной напев.
Знамо, лишняя
среди пришлых дев.

Не бросай меня
в колесо ветров.
Знамо, крайняя
среди жён и вдов.

Знамо, старая...
Караван-сарай:
только парами
пропускают в рай.

Скособочена,
что твоя изба,
неурочная
у меня судьба.

Недоскошены,
что твоя трава,
переросшие

у меня слова.

Перепутаны
вечера и дни.
Стерегут меня
миражи-огни.

Кукушата мне
с колыбели врут.
Сторожат меня,
точно ведьму, тут.

Уязвима я:
урожай собрав,
огради меня
от нечистых трав.

Ты – полынь моя,
лебеда, укроп...
Отгони меня
от болотных троп.

На равнине я
провалилась вдруг.
Отцепи меня
от болотных рук.

Хищной линии
травяной окрас.

Отмоли меня
у болотных глаз.

Не по имени
и не ртом зови.
Отлови меня
по моей любви.

Соловьиная
дармовая трель.
Унеси меня
из моих земель.

Много думаю —
усыпи и спрячь,
хоть угрюма я,
а костёр горяч.

Сердце мечено,
а клеймо свежо.
Обеспечь меня
в смертный час — ножом.

Нить жемчужная —
мой болотный путь.
Обнаружь меня
(а себя забудь).

Смерть осиная —

в родовом гнезде.

Вознеси меня,

возврати себе.

Звукопись

Звукопись – рукопись —
белые чары.
Сердце аукнулось
и застучало.

Знакопись – тайнопись —
тёмные шрифты.
Сердце отмаялось —
в темпе молитвы.

Светопись – летопись —
древние притчи.
С неба наведались
пастыри птичьи.

Цветопись – кронопись —
латы и ладан.
Сердце исполнилось —
в ритме распада.

Клинопись (кланопись).
Племя – за племя.
Долгими ранами
стянуто время.

Стрелами, струнами...

Речь-пантомима.

Устная рунопись,
письма из дыма.

Цветок

Бутоны открыв остриём,
стоял, головою покачивал,
раскачивал сердце моё,
своей красотой озадачивал.

Он тоныше любой тишины,
он легче ажуре паучьего.
Мои потаённые сны
смотрел и украдкой разучивал.

Распаты его лепестки,
крест-накрест упрямо развёрнуты.
По всей сердцевине – стежки:
не сердце ли смолоду вспорото?

Кивала волшебным кивком
его голова белокурая.
Была бы таким же цветком —
не меньше бы я бедокурила!

Он в небо смотрел, а сейчас —
дрожит, опускается, тянется
ко мне, стебельками стучась
в моё человечье беспамятство.

Он с каждой минутой ко мне
всё ближе – сгибается, клонится.
Я тоже верна
весне.
Я тоже больна
бессонницей.

В петле, на узорном стебле —
он солнечный! он обольстительный!
А краше цветка на земле
ни разу – не рвали, не видели.

А с ним – хорошо-хорошо:
в раю не бывает блаженнее!
Не хочется, чтобы ушло
из жизни – такое вторжение.

Не хочется, чтобы увял,
исчез планетарно и массово
его благородный овал.
Цветущий!
Возьми и меня с собой.

«Я бы гостей твоих – спровадила...»

Я бы гостей твоих – спровадила.
Я бы тебя – часами гладила.

Я бы тебя – ласкала-нежила,
а за окном бы – стужа снежная.

Я бы тебя – касалась пальцами,
пальцев моих – едва касался бы,

точно печатью, всею кожей.
Я бы твои улыбки множила.

Я бы тебе – казалась кошкою,
в мысли-ковры когтями вросшею,

верною, имя твоё урчащею.
Я бы прижалась по-настоящему.

Я бы тебя укрыла радугой,
только тебя часами радуя.

Я бы в твои ладони пряталась,
только тебе годами радуясь.

Я бы в твои ресницы плакала.

Двери бы нам казались арками.

Стулья бы нам казались креслами —
если бы, мой ненаглядный, если бы...

«Не станут молитвы – морская пена ...»

Не станут молитвы – морская пена —
разменной монетой, тебе – заменой.
Не станут обиды – земная сажа —
разменной казною, тебе – поклажей.
В чаду и в печали, всегда и всюду —
с тобою – и есть, и была, и буду.
Не станут обманы – стальные цепи —
заставой тебе – на земле и в небе.

Резное кольцо, колесо ночное —
семижды возлюбленный только мною,
ты знаешь, семижды убитый брат мой:
любовь драгоценна, хотя затратна.

«Любишь?..»

Любишь?

Тогда не плачь.

Вот жертва, а вот палач.

Любишь?

А сам молчишь?

Вот кошка, а вот и мышь.

Любишь?

Чего-то ждёшь?

Вот масло, а вот и нож.

Всюду, любовь моя,

с тобою пребуду я.

«Мгновенье – и голову с плеч...»

Мгновенье – и голову с плеч,
и лента из пряди – наземь.
Хочу ничего не беречь:
ни слова в случайной фразе,

ни вздоха в случайный день.
Щедрее щенков господских —
живущая даром чернь
в своём золотом сиротстве.

Хочу ничего не хранить:
как сумерки в чистом поле...
Тяну паутинную нить,
пряду покрывало боли.

Ни взгляда в случайную ночь!
Разлука, любовь, молчанье.
Нет способа мне помочь.
Нет повода выдать тайну.

Хочу ничего не жалеть.
Щедрее и краше кружев —
тяну паутинную сеть,
пряду мировую стужу.

Ни вздоха в последний раз!
Так спорю, что всё проспоришь.
Не горе, а лишь сарказм,
не я, а никто всего лишь.

Вампир

В пустой квартире – как в полой глыбе.
Холодно. Что за милость!
Живой оставил, крови не выпил —
в чём я так провинилась?

Ушёл! а ночь – не бывает глубже,
кровь – не бывает слаще...
Я так ждала, чтобы страх наружу
выманил ты, обманщик.

Я так ждала тебя, волком пела,
вьюгой стелила скатерть.
Я так ждала, чтобы жизнь из тела
вычерпал ты, предатель.

Вернись! а вену тебе подставлю —
выпей за нас обоих:
сегодня тебя, голодный и славный,
ужина удостою.

Ушёл! как будто бы я монашка!
В комнате запах мака,
а мне без тебя и глупо, и страшно —
жертве – без вурдалака.

«Из глубоких фолиантов...»

Из глубоких фолиантов
я узнала с юных лет,
что давно сменился Дантов
занимательный сюжет.

С удивленьем и досадой
мне поведал фолиант,
что идёт кругами ада
Беатриче, а не Дант.

Круг за кругом – в полной мере —
всё бессмертие прошла,
но забыть про Алигьери
не сподобилась душа.

В неподвижной круговерти
запинаясь, точно тень,
я узнала, что у смерти
есть последняя ступень.

Шаг за шагом – из столетий
составляя свой сюжет —
я узнала, что на свете
данность есть, а Данте нет.

Что неслитано трагедий
человечьих, а комедий
божьих – разве только след...

Говори, Вергилий: где ж я?
Всяк, входящий за черту,
здесь оставит и надежду,
и заветную мечту.

Как предписано вратами,
коим ключ – огонь-смола! —
я прошла – и только *память*
за собою пронесла.

Роль

Полюбуйтесь, как хороша!
Полюбуйтесь, как хорошо я
в надлежащую роль вошла:
пустота за моей душою.

Посмотрите, как хорошо,
посмотрите, как трагедийно
подсознание в роль вошло:
без суда меня осудили.

Дабы руки мои в толпе
у тебя не урвали душу.
Дабы руки мои к тебе
протянулись, не дотянувшись.

Персональная смерть и страсть —
по закону отца-Шекспира.
Наедаюсь тобою всласть,
как чумою во время пира.

«Как змея сбрасывает кожу...»

Как змея сбрасывает кожу,
так и я сбросила свои
многолетние личины, тоже
захотев чуточку любви.

Как змея сбрасывает кожу,
так и я сбросила свою
непосильную – считай – ношу...
Обнажённая, одна стою.

Как змея сбрасывает кожу
(умерла и снова родилась),
так и я... Сложно, очень сложно
разорвать с самим собою связь.

Как змея сбрасывает кожу,
так и я прожитую жизнь,
так и я всё бывшее сброшу
для тебя – только обернись!

Как змея сбрасывает кожу,
так и я изменяю суть,
лишь бы не отпугивать прохожих
и напоминать кого-нибудь...

Как змея сбрасывает кожу,
так и я сбрасываю ложь.
Где-то между правдою и ложью —
ты меня случайно обретёшь.

«Спешила я неведомо куда...»

Спешила я неведомо куда,
и шли минуты, шли мои года.

И сумерки ложились, как назло,
на тонкое оконное стекло.

И я спала, и снился долгий сон,
который был реален и весом,

который заменил реальность мне —
гитарными размолвками во тьме.

На ощупь ощутила я беду:
куда пойдёшь, туда и я пойду,

с ума сходя и нежного тебя,
невинного тебя с ума сводя.

Осматривая комнату в упор,
я слушала гитарный перебор.

Со стенами опять наедине,
я ластилась и ластилась к стене.

И продолжали отблески огня

впечатывать твои слова в меня.

И повторяла я судьбу твою:
кому поёшь, тому и я спою.

Я думала, что нам бы повезло,
и дула на оконное стекло,

и слушала вполуха голос твой,
и шла дорога – строго по кривой.

Чертёж

Я наши линии сведу
карандашом,
пером.
Свернуть пробелы – не проблема.
Но ты и я – в одном ряду,
в одном роду —
решительно несбыточная схема.

Чертёж, который
мне самой смешон.

«Тяжела земная доля...»

Тяжела земная доля,
тяжелее – только вдовья.
Боль рифмуется с юдолью,
кровь – с любовью.

Изуверы, иноверцы...
Тяжела земная плаха.
Тяжелее – только сердце
Мономаха.

Тяжела земная ноша:
жизнь вытягивает жилы.
Тяжелее – только коршун
однокрылый.

Тяжела земная тяга,
тяжелее – только почва.
Ключья порванного стяга
(сердце – в ключья).

Тяжела земная доля:
не перо, не пух лебяжий...
Или клетка, или воля
цвета сажи.

Тяжелы земные ласки,
тяжелее – только вражды.
Лица прячут, словно маски,
дно поклажи.

Тяжелы узлы-засовы.
Тяжелее – только масса
человеческого слова
в час отказа.

Тяжелы углы-пределы.
Тяжелее – только правда
человеческого тела
в час распада.

Страх высушивает вены,
саван куполом раскинут...
Тяжелы земные стены:
их не сдвинуть.

В сердце вбита навсегда мне,
тяжела земная память.
Тяжелее – только камни:
спят веками.

Ускользают прах и пепел —
не догнать их!
не за ними ж...
Тяжелы земные цепи:

их не снимешь.

Вечное возвращение

В сердце я прячу старую рану:
быть ли желанной, быть ли святой...
Остерегайся прежних обманов,
не возвращайся с той же фатой!

Быть ли несчастной, быть ли счастливой,
быть ли обутой, быть ли босой...
Остерегайся прежних мотивов,
не возвращайся с той же косой!

В образе волчьем, а хочешь, птичьем,
пряча глаза и дробя следы...
Не возвращайся былым обличем,
остерегайся былой судьбы!

Сколько бы сердце твоё ни рвали —
вновь отрастает твоя коса.
Остерегайся земной спирали,
бойся небесного колеса!

В сердце я прячу свою проказу:
сердце — её постоянный дом.
Если воспрянешь, то вся и разом,
если вернёшься, то целиком.

Даже призывом его улыбок,
даже магнитом его лица —
не обольщайся, родная, ибо
жизнь возвращается, но *с конца*.

В сердце я прячу одни заплаты:
гроб заколочен — хорош фасад!
Остерегайся, сестра, возврата,
не оборачивайся назад.

Птицы

Окружили меня, опутали,
обступили без лишних слов
сороки, сорокопуты ли —
все сорок сороков птенцов.

Ни просёлка на дальнем севере,
ни пролеска в глуши лесной...
Пересмешники меж деревьями
перекличку ведут со мной.

Над душой висят пересмешники,
повторяют одно и то ж:
уж какая ты, мол, нездешняя,
а сюда всё равно придёшь.

Голоском молодого кенара
и смешком ребёнка-щегла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.